

E41 215

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

E 41 215

Н. И. Бухарин

св. сч. 57

+

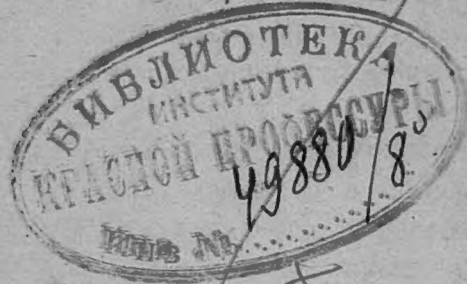
04.016 (44-1082)

О РАБКОРЕ

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

ОБЩОЕ

ср. 2133

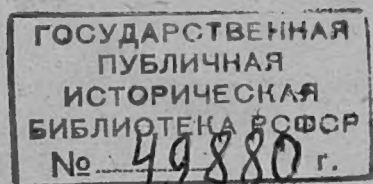

изд. 0001 жент

Издание газеты „ПРАВДА“
МОСКВА — 1924 г.

41000 41 тнйам7

изд. 0001 жент

Главлит № 30047.

Москва.

Тираж 10.000 экз.

Типография „Правда“ и „Беднота“, Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Предисловие.

Человек, как сказал Маркс, тем выгодно отличается от животного, что он перед процессом труда имеет в голове идеальный образ того, что он творит. Это, конечно, в общем верно.

Но если человек делает какую-нибудь вещь впервые,— то здесь он еще не действует по вполне продуманному плану. Работа продвигается ошупью, наугад, пути намечаются инстинктивно. И только накопление опыта дает возможность производить работу по осознанному, вполне определенному плану, который имеется наперед.

То же и в области сознательного строительства общества.

Когда теперь советский инструктор помогает массам в каком-нибудь медвежьем углу строить и укреплять советы, он имеет в голове вполне ясный, определенный план, тип совета, который он помогает строить. А если вспомнить 17-й год. Сколько здесь делалось наошупь, сколько здесь было неясного, впервые определяемого, только что угаданного?

И задача пролетарской партии всегда заключалась в том, чтобы помочь массам осознать, привести в порядок, представить в виде идеального плана то, что в массовой работе стихийно нащупывается, угадывается, впервые намечается.

В этом осознании и замечается рост политической зрелости и опыта пролетариата.

Рабкор—в советских условиях—только начинает свое поступательное шествие.

Он еще только нащупывает свои пути, свои задачи, свое место в строительстве советского общества.

И только теперь он начинает по настоящему осознавать свою роль и методы своей работы.

Сборник статей тов. Бухарина «о рабкоре» бесспорно, облегчит этот рост политического самосознания рабкора.

В ряде статей здесь обрисовывается тип нашего рабкора, который уже помог укреплению диктатуры пролетариата, помогает ей и еще много поможет в будущем.

Редакция журнала
«Рабочий Корреспондент».

Заветы Ленина и рабкоры.

После потери Владимира Ильича все мы должны с особой тщательностью изучать то богатое наследство, которое оставил после себя наш друг, товарищ и учитель. Должны это делать и рабкоры. Им особенно нужно учиться у товарища Ленина, ибо он в совершенстве, как никто, владел искусством быть в постоянной, живой связи с массами; а это искусство есть основа всей работы рабкоров: связь с массами есть «душа» этой работы. И сколько бы рецептов ни придумывать, как бы ни обучать рабкоров, как бы их ни «развивать»,—все равно ничего хорошего не получится, если при всем этом не будет живой связи с массами.

1. Уметь слушать.

1) Уметь слушать—вот первый завет Ильича. Это значит: стараться узнать, что думают другие, чего хотят, как переживают, что считают нужным и целесообразным. Быть может, твой собеседник тысячу раз ошибается, и это ясно с первого же его слова. Но в его ошибках нужно все же ухватить жизнь. Разве не важно для нас узнать ошибки многих? Из них кое-что, ведь, проистекает. Нужно уметь терпеливо слушать. Не забрасывать сразу же своего собеседника «умными вещами». Необходимо сперва его самого обсосать со всех сторон, дать ему самому вскрыть, что творится у него на душе, какие у него сомнения, догадки, планы, предложения, жалобы. Только так можно узнать как следует, чем живет масса. А знать это—первейшее условие правильной политики. Ленин был великим мастером распознавать по отдельному разговору тысячи жизненных вопросов и противоречий. Он почти безвыездно жил в Москве. А между тем он прямо превосходно знал жизнь. Почему? Именно потому, что он умел слушать и выслушивать. Оттого в его политические расчеты и крестьянин, и рабочий, и другие группировки входили не такими, какими они должны были бы быть, а такими,

какими они были в действительности. Перед Брестским миром, когда многие из нас, исходя из прекрасного революционного плана, махали мечом и звали к немедленной революционной войне, тов. Ленин, который умел слушать живых людей, солдат-фронтовиков, простых деревенских «баб» и «мужиков», прекрасно видел, что мир и передышка для крестьян сейчас все, что мир нужен во что бы то ни стало, что мужик воевать не хочет, а без него рабочий не сможет. Ленин мог разглядеть эту простую вещь (которая теперь кажется такой простой) своевременно потому, что он всасывал в себя жизнь, потому, что он умел слушать ее голоса. Вот это искусство слушать должно быть в первую голову свойственно рабочим. Они, ведь, своего рода «спецы» по связи с массами. Вот почему эта заповедь есть первая и обязательная заповедь всякого рабочего корреспондента.

2. Уметь воздействовать.

Но уметь слушать—это еще далеко не все. Слушать—это только средство для того, чтобы лучше воздействовать, когда нужно противодействовать. Сознательный пролетарий не есть просто губка для собирания всего того, что думают его товарищи по классу или его союзники. Сознательный пролетарий есть активный член своего класса, который помогает осознавать наиболее важные, наиболее длительные, наиболее общие интересы класса, который не плетется в хвосте у остальных, а поднимает их до своего уровня, до уровня передовиков. Для этого нужно уметь иногда плыть «против течения», хотя бы сперва все были против тебя. Тов. Ленин и в этом отношении был образцом. Лучше всего можно было видеть это в начале войны, когда он, с очень небольшой группкой единомышленников, выступал под лозунгом «гражданской войны» против защиты буржуазного отечества. Своих позиций он не сдал. Его считали фантазером, утопистом, сумасбродом, его обвиняли в семи смертных грехах, его, который был гением пролетарской революции. А он с необычайным мужеством защищал свою точку зрения.

Но он не только умел быть один против всех и не сдаваться. Он умел раз'яснять свое мнение, умел убеждать, умел подходить к массе и к отдельным ее представителям. Так же, как он мог терпеливо слушать, он мог терпеливо раз'яснять. И учил других своих товарищей по партии такому терпению. Лучший тому пример—эпоха временного правительства, т.-е. период после Февральской революции до июльских дней. Массы крестьян

и даже рабочих шли за «оборонцами», за эсерами и меньшевиками. Они, эти массы, верили, что Миллюковы и Керенские не хотят захватов. Их нужно было разубедить. И вот товарищ Ленин выставляет лозунг: терпеливое раз'яснение, раз'яснение и еще раз раз'яснение неправильности так называемого «добросовестного оборончества». Это раз'яснение ведется изо дня в день так умело, Ленин так близко подходит к душам рабочих, крестьян, солдат, что партия в целом, и он, ее вождь, завоевывают все большие народные массы на свою сторону.

Ленин всегда был горячим противником тех, кто «подлизывался» к массам, боялся вести их за собой, потакал предрассудкам и отсталости. Нужно уметь подойти к самому отсталому человеку, к самому забитому, полному всяких предрассудков; но свою линию нужно вести неуклонно, нужно постоянно смотреть за тем, чтобы сознательность росла за счет стихийности, чтобы передовики поднимали до себя массы, а не ковыляли где-то в задних рядах.

Вот это ленинское правило тоже нужно иметь в виду всем рабкорам. От них тоже требуется не простая регистрация того, что думают рабочие по фабрикам и заводам, а и формирование этого общественно-пролетарского мнения по той линии, которая выражает общие интересы класса в целом. Если, напр., на отсталой фабричке женщины-работницы еще вздыхают по царю небесном, то рабкор умело должен освещать этот уголок рабочей жизни, осторожно и с умом разрушать отжившую религиозную дребедень. И в разговорах, и на собраниях, и в газете он должен иметь свою, антирелигиозную линию. Или из другой области: рабкорам часто приходится разоблачать администрацию, директоров, трестовиков и т. д. Но бывает иногда, что рабочие зря смотрят на своего же, пролетарского красного директора, как на чужого. Это тоже предрассудок, но, так сказать, с другого конца. Рабкор не может и здесь поддаваться стихии: иначе он был бы просто демагогом крикуном, а не ответственным и честным представителем рабочего класса, рабочей семьи.

Во всех очень сложных вопросах современности, где есть много противоречий, внутренних конфликтов и несправедливостей, рабкор должен воздействовать на других так, чтобы основные интересы рабочего класса, его диктатуры, его развития к социализму, становились во главу угла. Слушать, но и уметь проводить свое. Итти с массой, но быть в первых рядах. Это нужно помнить каждому товарищу-рабкору.

3. Быть практичным, не болтать зря.

Само собой разумеется, что воздействовать на массу, втягивать ее в общепролетарское дело нельзя голыми проповедями, как бы замечательны эти проповеди ни были. Ведь и в так называемой «большой политике» партия наша, признанный вождь рабочего класса, могла завоевывать власть не только потому, что она «агитировала». Она все время и действовала. Ее слово было связано с ее делом: она вела стачки, устраивала и руководила демонстрациями, вела на вооруженную борьбу и т. д. То же и в малом. Теперь у нас тоже куча дела: хозяйственная работа, упорядочение аппарата, борьба с бюрократизмом и халатностью, работа по вовлечению масс в широкое социалистическое строительство и т. д., и т. п.

Немало еще у нас есть безобразий, жульничеств и неустройств. Тут нужна упорная работа и притом практическая. Нечего говорить пышные фразы или впадать в отчаяние, или опускать руки, или болтать и щебетать. Нужно приучиться к делу. Одного жулика выловить лучше, чем накричать о десяти и ничего не сделать. Это не значит, что нужно молчать. Но это значит, что необходимо приучать себя и других быть не «трепачами», а действительно полезными общественными работниками.

Тов. Ленин особенно настаивал на конкретной борьбе с конкретным врагом. В своем письме к Мясникову (который ушел из нашей партии и превратился мало-по-малу в ее озлобленного врага) тов. Ленин писал:

«Почему бы испугаться черной работы (злоупотребления травить через ЦКК, через партпрессу, через «Правду»? От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику...».

«Почему вам,—писал тов. Ленин Мясникову,—не взяться за менее «блестящую» (буржуазным блеском блестящую) работу, черную, деловой чистки злоупотреблений, деловой борьбы с ними, деловой помощи беспартийным?»

Где вы указали ЦКК какое-то злоупотребление и какое-то средство его исправить, искоренить?

Ни разу! Ни единого раза!» (Сочин., т. 18, ч. 1-ая, стр. 340—342).

Вот как ставил вопрос т. Ленин. Не разговоры «вообще» нужны нам в первую голову, а борьба с определенными случаями; через эту борьбу мы исправим постепенно и наши общие недуги.

4. Быть изобретательным в борьбе со злом.

Рабкоры уже сослужили немалую службу в борьбе со всякими непорядками и злоупотреблениями, которых, повторяем, у нас еще очень и очень много. Тов. Ленин все время думал об этой борьбе и много писал о ней в связи с идеей массового контроля.

В своих статьях о раб.-крестьянской инспекции и ЦКК он, между прочим, писал:

«Им (членам ЦКК) придется подготавливать себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу мошенников, но в роде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п. Если в западно-европейских учреждениях подобные предложения вызвали бы неслыханное негодование, чувство нравственного возмущения и т. д., то, я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрюкратились, чтобы быть способными на это. У нас нэп еще не успел приобрести такого уважения, чтобы обижаться при мысли о том, что могут кого-то ловить. У нас еще так недавно построена Советская республика и навалена такая куча хлама, что обидеться при мысли о том, что среди этого хлама можно производить раскопки при помощи некоторых хитростей, при помощи разведок, направленных иногда на довольно отдаленные источники, или довольно кружным путем, едва ли придет кому-либо в голову, а, если и придет, то можно быть уверенным, что над таким человеком мы все от души посмеемся». («Лучше меньше да лучше». Том 18, часть 2-ая, стр. 131—132).

У тов. Ленина здесь говорится о членах ЦКК. Но совершенно ясно, что—в меньшем масштабе та же задача ложится и на плечи рядовых рабочих, и на плечи наиболее сознательных из них, а, следовательно, и рабкоров. Более того. Так как деятельность рабкоров на большой процент есть деятельность обличительно-разоблачительная, то понятно, что и рабкоры должны быть очень изобретательны в борьбе с неустройством, хищничеством и проч. Они должны быть находчивыми, знать все ходы и выходы, тщательно следить за делом, никогда не упускать его из поля зрения, чтобы довести его до конца. Это—задача не из легких, но именно так нужно ставить вопрос.

5. Доводить дело до конца.

Чтобы работа рабкора имела действительно показательное значение, произвела наибольшее впечатление, она должна—в каждом отдельном случае разоблачений, предложений и т. д.—доводиться именно до своего

конца. В противоположном случае у рабочих останется либо впечатление праздной болтовни, либо будут опускаться руки: «все равно, мол, ни чорта с этим не поделаешь». Этакий «результат», конечно, играет глубоко-отрицательную роль.

Тов. Ленин опять-таки и здесь был образцом: и в большом, и в малом. Пример большому, великому—организация октябрьского восстания; пример малого—ну, хотя бы, рассказ Дмитрия Ильича о том, как тов. Ленин даже при царском режиме ухитрился (сумел настоять, довел дело до конца) посадить купца в тюрьму за самоуправство. Каждый из нас знает, как тов. Ленин проверял лично, выполняются или нет принятые постановления. Он успокаивался только тогда, когда убеждался, что дело доведено действительно до конца. Успокаивался, разумеется, только для того, чтобы приниматься за десятки новых дел. Не должны ли и рабкоры следовать примеру нашего учителя?

6. Втягивать массы.

Одной из главнейших задач, которые тов. Ленин считал за основные задачи революции, является задача вовлечения в активное строительство, в борьбу с бюрократизмом и т. д. самых широких пролетарских, а отчасти и крестьянских масс. Не даром тов. Ленин уделял такое большое внимание пролетарскому контролю и общенародному контролю низов вообще. Действительно, с точки зрения перспектив нашего развития, с точки зрения нашего будущего, этот вопрос является одним из центральных вопросов.

Тов. Ленин строил нашу партию. Скольких рабочих вовлек он в активную борьбу! Скольких поднял, скольким помог подняться на несколько ступенек выше! Но то же дело должны делать и все мы. То же дело должны делать и рабкоры. Помогать массе втягиваться в круг общественной жизни, помогать выделению новых людей-товарищей, политических руководителей, изобретателей, даровитых организаторов и так далее—всенепременнейшая обязанность рабкора. Он отмечает в прессе всякое положительное явление в этой области, поддерживает всякое начинание и, таким образом, организует новые слои рабочих.

Если бы каждый из рабкоров выполнял эту важнейшую свою обязанность, заветы Ильича не пропали бы даром для рабкоровской семьи.

7. Ближе к производству.

«У нас теперь главная задача—мирно-организаторская», — писал в своих последних статьях тов. Ленин. А еще раньше, когда он поднимал вопрос о наших газетах, он

поворил: «поменьше политической трескотни». Т.-е. побольше строительного дела. Теперь это «дело», главным образом, упирается в производство, в починку этого производства, в оздоровление нашей хозяйственной жизни. Прием новых членов в нашу партию, усиление партии рабочими от станка, коренными производственниками, несомненно, облегчит решение этой задачи.

Нужно иметь в виду, однако, что тут будет немало трудностей: перебои в нашей промышленности еще будут, хлопот будет немало, особенно в связи с проведением денежной реформы. Нужен стойкий кадр производственников-крепких. Рабочие должны взять твердый и верный тон по этой линии, всемерно поощряя усилия наших партийных ячеек.

8. Чувство ответственности.

Наконец, Ильич дал нам образец величайшей честности, перед самим собой, перед своим классом, перед тем делом, которому он отдавал свою жизнь. Тов. Ленину было свойственно в величайшей мере чувство ответственности. Он всегда думал о деле, всегда проверял себя, несколько раз про себя отмеривал, прежде, чем отрезать. Это не значит, что он не действовал решительно, смело и, когда нужно, беспощадно. Нет. Он именно так и действовал. Но у него не было и тени легкомысленного наскока, фразы, желания играть роль и тому подобных черт, которые свойственны людям. Этой черте нужно учиться и учиться. В особенности рабочим, которые стоят на сторожевом посту рабочего класса, которые разоблачают других и как раз поэтому должны быть гораздо лучше многих и многих. Только с чувством большой ответственности можно вести такое дело, как рабкоровское. Этому не должен позабывать ни один товарищ, который хочет следовать за своим и нашим учителем и вождем.

Диктатура пролетариата и рабкоровские организации.

В настоящей статье мне бы хотелось—хотя бы в самых общих чертах—выяснить, что нового дает—или должна дать—организация рабкоров в деле поддержки и укрепления рабочей диктатуры. В рабкорах и их организации мы имеем, несомненно, некоторое новое явление. А наша партия, вместе со всем рабочим классом, должна уметь не только повторять пройденное и «твердить зады», но в то же время самым пристальным образом изучать, подмечать, улавливать новые отношения, видеть новые задачи и разрешать эти задачи методами и способами, которые определяются сутью этих новых задач. Не назрели ли в наших условиях некоторые новые потребности? Не вызывают ли они новых организационных форм? Не есть ли организация рабкоров одна из этих новых форм? Не должна ли она поэтому отличаться многими новыми чертами? И—наконец, если на все предыдущие вопросы следует положительный ответ, то каким образом нужно рассматривать отношение между этими новыми организациями и старыми, испытанными, основными, т. е. партией, профсоюзами, государственной властью рабочего класса? Вот, примерно, те основные вопросы, на которые я попытаюсь дать хотя бы беглый ответ.

1. Новые потребности и новые организации.

Теперешнюю полосу в общем развитии пролетарской диктатуры мы можем рассматривать, как такое время, когда в черне сложились основные организации рабочего класса, в своей совокупности дающие тон новому порядку вещей в нашей стране.

Во-первых, у нас имеется государственная власть, весь аппарат пролетарской диктатуры. Это—советская государственная организация, включающая в себя целые кадры администраторов, всех членов вол-, у-, губ-

исполкомов, циков и проч. с их отделами, подотделами и т. д., и т. п. Этот аппарат нужно еще тысячи раз исправлять, улучшать, чинить, но вчерне он уже сложился.

Во-вторых, у нас вчерне (мы особенно подчеркиваем, что «вчерне») сложился включенный в общегосударственный механизм кадр наших хозяйственников, начиная от директоров заводов, работников кооперации и кончая высшими органами управления народным хозяйством Союза. И здесь нужно сказать: этот аппарат придется улучшать годами, но вчерне он все же сложился: это не первозданный хаос 18 года, а относительно крепкая организация.

В-третьих, у нас есть громадная организация профессиональных союзов, которая точно так же вчерне уже сложилась в большую силу.

В-четвертых, у рабочего класса имеется такая несравненная организация, как наша партия, голова и мозг, авангард, руководитель, вернейший часовой, отборная сила пролетарского движения.

Все эти организации выполняют одно и то же дело. Все они являются теми основными устоями, которые подпирают здание рабочей власти. Все они сотрудничают под руководством партии. Все они зависимы одна от другой, хотя зависимы по-разному. Все они представляют из себя один мощный кулак против врагов пролетариата, и в то же время могучую строительную силу, которая строит мир новых отношений.

Что же является основной, относительно новой задачей, которая выдвигается именно «текущим моментом»?

Эту новую задачу можно в общем определить так: сейчас пришла пора гораздо большего втягивания масс в общепролетарскую работу. Теперь, больше чем когда бы то ни было раньше, эта работа необходима, и теперь есть объективная возможность ее осуществить.

Скажут: но, ведь, это мы говорили всегда. Что же здесь нового? Конечно, абсолютно нового здесь ничего нет. Но 1) именно теперь эта задача назрела с большей силой; 2) именно теперь имеются уже культурно подросшие слои рабочих (а отчасти и крестьян), которых нужно выуживать и привлекать; 3) именно теперь, когда стало легче жить и когда мы имеем мирную передышку, мы в состоянии перейти к разворачиванию работы в масштабе, который был немыслим в старые времена, когда мы воевали или когда мы только-только начинали «учиться торговать». То обстоятельство, что мы вчерне уже построили наши аппараты, дает нам возможность, силу, время, чтобы перейти к наступлению на фронте втягивания в общепролетарскую работу масс.

Эта—в таком масштабе и в такой форме впервые возникающая—потребность ставит вот какой дальнейший вопрос:

Не нужны ли для решения этой задачи добавочные, вспомогательные, пролетарские организации?

Мы на этот вопрос отвечаем положительно: да, нужны на помощь госвласти, партии, профсоюзам другие организации подсобного характера.

В самом деле. Посмотрим только вокруг себя: сколько новых запросов и запросиков появилось у нас. Вопросы быта и семьи; вопросы культуры, спорта, искусства; вопросы технических знаний, самообразования и т. д. Необъятное море проблем, задач, недоумений. Можно ли думать, что мы будем в состоянии развязать всю инициативу, таящуюся в рабочем классе без ряда подсобных организаций? Конечно, нет.

Точно так же, как какой-нибудь Главполитпросвет не может и не должен непосредственно держать в своих руках все брошюры, все кружки и все издания, точно так же ни партия, ни союзы, ни госвласть не могут непосредственно «объять необъятное». Нужна, кроме централизованного руководства, децентрализованная инициатива.

По другому говоря, можно сформулировать дело таким образом: между основными рабочими организациями и рабочей массой должны возникнуть сотни и тысячи маленьких и больших быстро движущихся добровольных обществ, кружков, объединений, которые были бы подсобной силой этих основных организаций, которые помогли бы величайшему делу, делу связи с массами.

Тов. Ленин не даром не раз советовал нам учиться у буржуазии. И здесь нам совсем не вредно поучиться у нашего смертельного классового противника и врага.

Мы уже давно говорили в «Правде» об этом примере. В самом деле, посмотрите, как действовала и действует буржуазия.

У нее тоже имеется государственная власть, партии, экономические организации. Но она для укрепления своего режима имела (а в капиталистических странах имеет и сейчас) сотни и тысячи добровольных объединений, лезущих своими щупальцами буквально во все поры жизни и быта. Было бы интересно дать когда-либо простой перечень этих бесчисленных организаций: колониальные общества, шахматные кружки, общества любителей садов, общества покровительства животных, любители хорового пения, общества благоустройства городов, клубы врагов алкоголя, общества против табака, технические общества, консульта-

ционные бюро всех видов, общества изобретателей, любителей персидского языка, клубы лысых или холостяков и черт перечислит все виды, категории, оттенки этих организаций!

Среди них есть и глупые, и нелепые. Но было бы неправильно смотреть на все это, как на простую забаву и пустяки. Это совсем не так. В своей совокупности эти организации представляли и представляют для буржуазии ту подсобную силу, которая, внедряясь в жизнь по самым бесчисленным, иногда весьма причудливым, каналам, в нужные минуты мобилизовала максимум буржуазной мощи. Вспомните времена начала войны. В каждой стране буржуазия живо собрала все (и эти) бесчисленные группы и поставила их на службу империалистской войне. А до войны они что же, не помогали буржуазии? Конечно, помогали. Ибо они развертывали всю инициативу отдельных частей класса, они охватывали жизнь со всех сторон; они влезали в уголки, куда не проникала ни государственная власть, ни политические партии буржуазии. И все же они делали одно дело: дело укрепления буржуазии, дело объединения отдельных буржуа в организованное целое. Людская буржуазная пыль гораздо дружнее собиралась в класс. Другими словами: между государственной машиной буржуазии и отдельными буржуа не было пустоты: эта пустота заполнялась тысячами добровольных организаций, целой сеткой, охватывающей жизнь буржуазии (да и не только буржуазии) со всех сторон.

Пролетариат есть класс, гораздо менее анархический, чем буржуазия,—это мы знаем чуть ли не с детских пеленок. Ясно поэтому, что он должен развить эту деятельность в гораздо большем масштабе, чем буржуазия. И теперь наступает время, когда эта работа начинается.

Обратите внимание вот на какой факт. Было ли мыслимо, чтобы такая организация, как «Лига времени» возникла в 18 году? Нет. А именно она и была одной из форм нового типа. Теперь у нас уже есть значительное количество таких организаций: драматические кружки, кружки самообразования, ряд спортивных обществ, «Общество хозяйственной разведки», разные организации по «нот'у», «клуб красных директоров», «Деловой клуб», лига «Время» и проч. К ним примыкают разные объединения детей, молодежи, изобретателей, поэтов. Это—первые маленькие шажки, но это—«знамение времени». Не даром и знаменитая отныне резолюция ЦК и ЦКК нашей партии говорит о помощи и поддержке такого рода объединений: время для них наступило, нужно работать в этом направлении. Мы вскоре увидим, что одной из важнейших организаций подобного типа и должна быть, по-нашему, организация рабкоров.

2. Основная черта новых организаций.

Но прежде чем перейти к рабкорам, нужно сказать несколько слов о том, что же составляет, если можно так выразиться, душу этих организаций.

Тут нужно опять, прежде всего, не выдумывать, а изучать.

Мы уже походя замечали, что все эти организации в высочайшей степени добровольны. А это стоит в связи с развязыванием инициативности. Что все это значит?

Берем пример, на первый взгляд смешной. Можно пробудить инициативу любителей хорового пения, назначая таких любителей? Можно представить себе, скажем, что партия говорит какому-нибудь своему члену: милый товарищ, полюби-ка хоровое пение всей душой (когда, быть может, у этого товарища козлийный голос и козлийный слух)? Это смешно и подумать. Можно ли выбирать этаких «любителей»? Тоже чудно: разве не ясно, что из этого ровно ничего не выйдет? Конечно, ясно. Можно ли, следовательно, такими методами будить инициативу, развязывать ее по отношению к хоровому пению? Нет.

А что же можно? Можно здесь действовать только так: один любитель или группа любителей кличет клич: идите, любители, к нам: мы вместе будем делать наше любимое дело. А организации партийные, профессиональные и прочие могут этому делу помочь, влиять на него, давать для руководства своих людей, которые связывают эти организации с общей работой.

Мы взяли крайний пример с пением. Но стоит только хоть немного подумать, чтобы понять, что в таких вопросах будить инициативу можно в первую очередь именно таким путем, а никаким иным. Любители не назначаются, не выбираются, они выделяются сами, снизу и потом объединяются в свои, в высшей степени добровольные, отнюдь не бюрократические, весьма подвижные, инициативные, сплоченные группы, кружки, организации.

На фабриках и заводах, в рудниках и мастерских, среди передовой крестьянской молодежи и т. д., нужно сеять зерна такой инициативности. Нужно помогать этому росту освещением вопроса в печати, освещением деятельности подобных обществ, всячески помогая их развитию. Такие организации—в особенности теперь—не могут быть ни в коей мере «казенными». Их не нужно особенно подкармливать, субсидировать, давать им «права», превращать их в чиновников, хотя бы даже и в чиновников пролетарского государства. Нет, пускай объединяются действительно любители своего дела, у которых «душа лежит» к нему, которые со всей своей страстью будут работать на этом

поприше. Только в этом залог того, что первые отряды таких обществ будут составлены из настоящих людей, которые идут ради любви к своему делу, готовые отдаться ему до конца. Они получают необходимый заказ, будет присиходить естественный их отбор и таким образом будет заложен фундамент для новой организационной сети, втягивающей в себя новые кадры людей, которые будут помогать великой культурно-строительной работе пролетарского государства.

3. Рабкоры и их организация.

Мы думаем, что такой организацией и должна быть организация рабкоров.

Рабкор должен быть рабкором не по назначению, не по выборам. Рабкор должен быть рабкором по собственному влечению. Он должен быть—да позволено будет так сказать—«любителем рабкоровского дела». Только в том случае, если рабкор есть рабкор по влечению, он может быть хорошим рабкором. И только в таком случае он сможет выполнять ту крайне важную роль, которая выпадет ему на долю.

В самом деле, что такое рабкор? Это есть товарищ, живущий с рабочим классом, работающий вместе с ним, любящий свой класс, знающий его вдоль и поперек, умеющий самым чутким образом прислушиваться ко всем ручейкам и струйкам рабочей жизни во всей ее широте и любящий выявлять то, что думает, чувствует, переживает рабочая масса.

Нет у него этих данных, не любит он этого дела,— пусть лучше не занимается им. Пусть тратит свою энергию на то, что ему больше по душе. Ибо все равно: без любви к этому делу, без умения или без желания это умение получить, он будет никудышным рабкором.

Один настоящий любитель рабкоровской работы в тысячу раз полезнее, нужнее, необходимее пролетариату, чем сотня рабкоров из-под палки: ибо этой сотне не передать, не уловить, не почувствовать того, что чувствует и выявит один рабкор по влечению.

Пусть не поймут меня неправильно. То, что я здесь хочу сказать, вовсе не означает, будто умение писать приходит сразу, под наитием духа святого. Рабкор—не дева Мария. Но рабкор должен иметь желание писать. В этом, на мой взгляд, гвоздь всего вопроса.

Не мудрено теперь понять, что рабкоровская организация должна быть своеобразной организацией. Она тоже не должна объединять сумму выбранных или назначенных лиц. Она должна быть добровольным объединением любителей рабкоровского дела.

А это, на наш взгляд, влечет за собой и целый ряд последствий.

В первую очередь, мне кажется, что рабкоровские организации должны отличаться тем, что по вопросам рабкоровской работы они не должны выносить строго обязательных решений. Они скорее должны быть чем-то в роде консультационных бюро, т.-е. подытоживая опыт всей работы, они должны давать не обязательные решения, а советы. Советы эти могут приниматься к исполнению или нет: это дело товарищей, работающих на местах. Их работа у всех перед глазами. Она проверяется всеми и каждым. Она допускает—и даже требует—бесконечного разнообразия форм, способов, методов. На конференциях, съездах, совещаниях все это обсуждается, подводятся итоги, делаются выводы. И только.

Это звучит, быть может странно. Но мне кажется, что лишь так можно добиться наилучших результатов.

Рабкоры ни в коем случае не должны иметь ни особых прав, ни чинов и орденов. Они должны быть сильным общественным доверием своего класса, доверием, не закрепленным на бумажке, а доверием, которое покоится на молчаливом признании со стороны массы. Рабкор в такой же степени «должность», как художник или признанный артист. Если мы бы превратили рабкора в чиновника, хотя бы и уважаемого, он перестал бы быть тем особым рупором и тем особым организатором рабочего класса, каким он должен быть. Тогда не нужна была бы и организация рабкоров. Она нужна, поскольку у нее есть особые задачи, поскольку она—особая организация, со своими особыми чертами, чертами абсолютно не казенного, абсолютно добровольного объединения товарищей, не за страх, а за совесть любящих рабкоровское дело. Только так построенная, она дает возможность развивать инициативу и самостоятельность, о которой столько пишется и говорится.

4. Новые организации и их связь с основными организациями рабочего класса.

Поднятая таким образом инициатива снизу, само собой разумеется, должна быть использована для общепролетарского дела. Это значит, что новые добровольные организации, содружества, общества и кружки должны в идейном отношении быть построены по пролетарскому ка-
мертону.

Конечно, по отношению ко всем такого типа организациям можно сказать, что есть известного рода опасность их отрыва от общепролетарского пути и от основных организаций рабочего класса. Их могут использовать прямые

враги пролетарской диктатуры или ее полу-друзья из мещанского лагеря. Поэтому нужно, чтобы партия—эта главная твердыня рабочего класса—умело руководила работой и всех этих организаций. Но руководство здесь должно быть тоже руководством особого типа. Оно должно выражаться в постоянной работе коммунистов, завоевывающих авторитет своими знаниями, своей любовью к делу, своею преданностью этому делу. Так обстоит здесь вопрос.

У рабкоровских организаций эта опасность минимальна. Ведь, они связаны непосредственно с коммунистической печатью. Они тем самым уже движутся в совершенно определенном русле идейного развития и в своей работе непосредственно примыкают к просветительной, воспитательной, политической и культурной работе нашей партии.

Таким образом, у основных организаций рабочего класса будет еще одна подсобная организация, очень подвижная, чуткая, низовая, непосредственно и в упор соприкасающаяся с массой. Она будет проводником всех токов и течений внутри этой массы, через печать будет связывать эту массу со всей политической жизнью страны. Она будет одним из орудий смычки всех аппаратов пролетариата с фабрично-заводским бытом и его запросами, она будет цементом, объединяющим разнообразные части рабочего класса.

Но, чтобы эту задачу выполнить, наша рабкоровская организация, повторяем, должна, на наш взгляд, обладать такими особыми чертами, которые гарантировали бы ее в высочайшей степени от всякого бюрократизма и чиновничества. Если это будет сделано, тогда рабкорам будет обеспечена своеобразная и очень почетная роль во всем великом движении рабочего класса, поднимающегося по лестнице культурного роста, политической зрелости, социалистического строительства.

Два слова о некоторых особенностях рабкоровской работы.

Положения, которые были выдвинуты совещанием рабкоров и которые являются своего рода «рабкоровской платформой» нашего журнала, становятся все больше и больше достоянием широкой рабкоровской массы. Особенности рабкоровской работы, как работы совершенно добровольной—добровольной в самом широком значении этого слова—и особенности рабкоровских организаций, как объединений людей, отбираемых массой, а не выбираемых и не назначаемых—эти особенности начинают признаваться, как необходимые и полезные черты рабкоровского движения. Несомненно, однако, что за эту линию придется еще бороться. Но в то же время ее придется обосновывать не только в «общей» форме, но и с точки зрения некоторых частных вопросов молодого движения. Мы хотели бы здесь остановиться на некоторых из таких частных вопросов.

1. Рабкеры и рабкеры.

В № 9 «Журналиста» мы находим статью тов. Валя, под заглавием «Руководство работой рабкоров». В этой статье есть ряд ценных указаний, которые должны быть приняты «к сведению и исполнению» редакциями наших газет. Но есть и спорные места, которые могут служить—и отчасти служат—источником неправильной практики.

Статья начинается следующим положением:

«Вопрос о руководстве работой рабкоров приобретает все более актуальное значение. Период «партизанского», случайного участия в газете отдельных рабочих закончился. Целый ряд редакций имеет в своем распоряжении вполне оформившуюся рабкоровскую сеть»...

В этой формулировке, в этих положениях тов. Валя как будто все верно. В самом деле, разве вопрос о руководстве работой рабкоров не становится в порядок дня? Конечно, да. Разве на смену отдельным товарищам, оди-

ночкам, случайным корреспондентам не пришел осознавший себя «рабкор»? Конечно, и это так. И, наконец, верно, что редакции газет имеют теперь сеть своих рабочих корреспондентов, специально обслуживающих отделы «Рабочей Жизни».

А все-таки здесь есть маленькое «но», которое имеет не совсем маленькое практическое значение.

Начнем с сравнения тов. Валя. «Партизанщина» кончилась. На смену ей пришла «регулярная армия». Но эта аналогия говорит о смерти всех одиночек, самостоятельно действующих. Когда на место партизанщины возникает настоящая «всамделишная» армия (мы сейчас говорим о военном деле), то всякая партизанщина становится вредной, ее нужно истреблять, ее нельзя даже допускать, ибо она не может существовать наряду с регулярной армией, она эту армию неизбежно дезорганизует.

Что же означает сравнение тов. Валя? Оно означает, если его не снабдить целым рядом оговорок, что теперь одиночки-корреспонденты, пишущие от случая к случаю, не спецы рабкоровского дела, а такие рабочие, которые могут писать раз-два в год, не желательны для рабочей газеты, что их время прошло и ушло, что такой «партизанщины» терпеть нельзя. Ниже мы увидим, что это не простая придирка, а что и сам тов. Валь приходит к неверным выводам только потому, что, быть может, смутно—у него в голове бродят именно такие мысли.

А эти мысли как раз и не верны, а, стало-быть, и вредны.

В самом деле, разве правильно сравнение тов. Валя? Нет, и еще раз нет. Ибо в то время, как в военном деле партизанщина наряду с регулярной армией вредна, в рабкоровском деле она полезна и преспокойно может существовать вместе, бок-о-бок с той самой «сетью» корреспондентов, которую теперь имеет, по справедливому замечанию тов. Валя, любая мало-мальски порядочная газета. Эта «сеть» сама может расти и развиваться, т.-е. улучшаться и количественно и качественно, только тогда, когда будут выделяться все новые и новые товарищи, которые неизбежно «пробуют» себя, как «одиночки».

Тот же вопрос можно поставить и по-другому: что такое рабкор? Есть ли рабкор только такой товарищ, который написал определенное количество заметок, имеет рабкоровский стаж или мандат от газеты, или специальное поручение от какого-либо собрания рабочих и т. д.? Или же рабкором является по сути дела любой рабочий, пишущий в газету?

Мы категорически настаиваем на том, что рабкором является любой пишущий в газету рабочий. Рабкоры

могут быть более опытные и менее опытные, более обученные или просто набившие руку и менее обученные, более талантливые и менее талантливые и т. д. Но рабкор—не должность, не каста, не официальный пост. И чем больше будет вокруг газет стихийно или не стихийно растущих на фабриках корреспондентов-одиночек, окружающих рабкоровскую «сеть», тем лучше, а не хуже. И в этом смысле период «партизанщины» еще далеко-далеко не закончился.

Совершенно правильно пишет в своей прекрасной статье тов. «Старый Рабкор» («Рабочая Москва», № 56 от 8 марта, стр. 6):

„Рабкоров нужно не выбирать, не назначать. Каждый рабочий может стать корреспондентом газеты“.

И далее:

„Нет разницы между рабкорами; не надо думать, что только от старых рабкоров берут материал. Принеси любой рабочий хорошую, проверенную заметку, и она будет напечатана.“

Вот именно.

2. Против средостения.

Мы все время должны твердо помнить, что весь смысл рабкоров заключается в том, что через них достигается связь газеты с массой. Это положение, которое принимается всеми,—нет человека, который бы не клялся им—нужно иметь в виду при обсуждении любого вопроса из области рабкоровской работы. Отсюда, вообще, говоря, ясно, что, чем непосредственнее связь газеты с фабрикой и заводом, чем меньше промежуточных звеньев, инстанций, «бюро» и т. д. и т. п., тем лучше, тем непосредственнее, тем живее, тем злободневнее; тем жизненнее будут корреспонденции, тем прочнее будет связь между газетой и массами, тем лучше будет поставлена работа, тем меньше будет бюрократизма и казенщины. Нужно же, в конце концов, понять, что корреспондент из рабочих это не то, что рабочий корреспондент. Из рабочих может выделиться товарищ, который корреспондирует в газету, описывает жизнь целого района, или даже целой республики (Туркестана или Грузии); он даже может съездить за границу и писать оттуда свои «впечатления», как обычно это делают. Но это не будет рабочий корреспондент. Последним является товарищ, работающий на заводе, фабрике, руднике, связанный с массой всеми нитями своей жизни и освещающий эту жизнь изнутри, с того самого места, где он—вместе с другими—работает и живет, трудится, борется, ест и пьет, развлекается, страдает, развивается, учится и откуда он наблюдает все происходящее кругом. Только потому он и может давать «связь с массами». Следовательно, характернейшей и необходимей-

шей чертой рабкоровской работы должна быть ее непосредственная близость к реальной, действительной рабочей жизни. Только тогда газетная «Рабочая Жизнь» будет отображать действительную, не газетную рабочую жизнь. И только тогда имеет смысл работа рабкоров. Вот почему «корявый», «случайный» рабкор—«партизан» может, как рабкор, быть гораздо более ценным, чем отшлифованный и многоопытный старый рабкор, который уже превратился на $\frac{9}{10}$ в «рабжура», т.-е. оторвался и от производства и от рабочей жизни, стал профессионалом-журналистом*).

Одной из опасностей, которые стоят на пути рабкоровского движения, является такое ожесточение рабкоровских организаций, когда рабкоры превращаются в касту людей, не пускающих новых, когда, другими словами, возникает цех «рабкоров», являющийся средостением между газетой и рабочей массой. Такие случаи—правда, отдельные—уже наблюдались. Как бороться с этим злом?

Мы полагаем, что с ним можно бороться только такой формой организации рабкоров, которая бы ни в коей мере не носила официального характера, т.-е. решения которой были бы советами, а не приказами или обязательными директивами. Ни в коем случае рабкоровские организации не должны создавать лишних, промежуточных инстанций «контрольного», «регулирующего» и т. п. типа. Повторяем: чем непосредственнее связь газеты с фабрикой, с квартирой рабочего, с общественной столовой, тем лучше. Как в хозяйственной области: чем больше посредников, тем дороже товар для потребителя; так и здесь: чем больше посредников, тем хуже для рабкоровского дела и для газеты.

Однако, понятно и следующее: если стоять на такой точке зрения, что отдельным, «случайным» корреспонденциям нет места, и что не всякий пишущий в газету рабочий есть рабкор, а рабкор—это профессионал, то вполне логична другая, противоположная, точка зрения. Ее, в сущности, и защищает в «Журналисте» тов. Валь.

«В целом ряде рабочих районов—пишет т. Валь о донецких рабкорах—...они избирают из своей среды бюро в составе, примерно, трех человек. Это бюро устанавливает тесную связь с редакцией... С другой стороны, бюро является своего рода контрольным органом. Через него проходят все рабочие корреспонденции изданного района, при чем своей визой бюро

*) .. Приходится откровенно признать, что самый ценный материал поступает не от наших опытных старых рабкоров, а от начинающих—малограмотных и неопытных—пишут, напр., из Тулы. См. „Раб. Корр.“ № 1, стр. 59.

скрепляет правильность фактов, сообщенных в том или ином письме, предварительно, конечно, их проверив». (Курсив автора). Далее сообщается, что бюро дает отзыв о случайных корреспонденциях, вовлекает новых товарищей в работу и т. д.

По нашему мнению, как раз то, о чем т. Валь пишет курсивом и что он, следовательно, считает наиболее важным, и неправильно. Зачем это нужно, чтобы «все корреспонденции» проходили через бюро? Где гарантия, что именно при такой структуре бюро не станут средостением между газетой и массами? Разве непонятно, что такой «предварительный контроль» уже уменьшает непосредственную связь газеты с заводом и фабрикой? Разве не ясно также, что в этом случае не будет у редакции того выбора, который имеется при непосредственной связи? И—если часть корреспонденций задерживается—то разве не превращается такое бюро из советчика в орган, выносящий обязательные решения?

Единственный плюс, который как будто имеется, это то обстоятельство, что здесь возможна предварительная проверка фактов. Но и относительно этого пункта можно еще очень и очень спорить.

Тут, нам кажется, опять-таки не вникают в особенности рабкоровских организаций, а судят о них по аналогии с организациями другого типа.

Посмотрим немного поглубже на дело. Задача рабкоров—да простят нам повторение этого—работа в самих массах. Отбор рабкоров—так этого хотим мы—должен происходить, прежде всего, в среде этих масс. Авторитет, признание, любовь, влияние и т. д. рабкор должен себе завоевывать именно здесь, т.-е. не в бюро, не наверху, а прежде и раньше всего на фабрике и на заводе. Его «проверка» должна быть перенесена именно сюда. Это вовсе не означает вульгарной демагогии. Если, напр., рабкор «наврал» про хозяйственника, а масса его не отвернула, так как ей это не неприятно, а истинного положения вещей она и сама не знала, пусть рабкору этот хозяйственник отвечает в газете же. Если он прав, да если, к тому же, рабкор злобно наврал, это должно быть ударом по вралю—перед всей рабочей массой. Как направлять этот процесс—дело редакции, которая имеет всяческие возможности в этом отношении, гораздо более богатые, чем бюро рабкоров.

Так нужно ставить вопрос. Если же газета создает между собой и массой ряд промежуточных звеньев, то страдает и она сама, и рабкоры портятся, и затрудняется доступ новым силам. Есть опасность, что тут рабкоры перестанут быть рабкорами.

3. Смена рабкоров.

В связи с тем, что рабкоры—это совсем «особая статья» стоит то интересное обстоятельство, что рабкоры не входят в союз журналистов, что у них нет своего собственного «рабкоровского» профсоюза, и что они входят в союзы по своей настоящей, т.-е. производственной профессии: рабкор-металлист входит в союз металлистов, текстильщик—в союз текстильщиков и т. д. Рабкоровская же организация не есть профсоюз, построена на совершенно иных основаниях и довольно резко должна отличаться от профсоюзных организаций и по своей форме, и по содержанию работы, и по методам этой последней. Почему это так выходит? Да именно потому, что «рабкоровство»—не есть профессия и не есть специальность. Нам здесь хотелось бы отметить одну черту рабкоров, а именно подвижность состава рабкоров. Здесь нужно отметить несколько процессов, которые отличаются друг от друга.

Первое—это уход из рабкоров в «рабжурь» и другие «свободные профессии», что сопровождается отрывом от производства. Этот процесс, в известной мере, неизбежен и выражает культурный рост ответствующих прослоек рабочего класса. Рабкоры учатся, пишут все больше и больше, писательство начинает превращаться в их основную работу, а затем и в базис их экономического «бытия». Тогда наступает разрыв с производством, и данный товарищ перестает быть рабкором, что, конечно, не мешает ему весьма полезно работать на другом поприще.

Второе—это уход из рабкоров за неприспособленностью к такого рода деятельности: сюда относятся и случаи неумения, и случаи, когда рабкор «проваливается» в общественном мнении рабочих.

Третье — перемена места работы, характера работы и т. д.

Этому всему противостоит прирост рабкоров, в связи с культурным подъемом рабочего класса вообще, ростом пролетарской общественности, распространением печати и т. д.

Что же отсюда следует? Отсюда—а равно и из всего предыдущего—следует и характер работы рабкоров над самими собой. Они должны учиться не только и не столько специфически журналистским «наукам» (стиль и т. д.), сколько изучать саму рабочую жизнь, учиться подмечать то, чего не подмечали раньше, забираться во все щели, пользоваться и методами опросов, и обходами, и частными анкетами среди знакомых рабочих

и т. д. Это—гораздо более благодарная, так сказать, «истинно-рабкоровская» задача. Мы отнюдь не хотим сказать, что рабкорам не следует заниматься литературной выучкой. Это необходимо. Но очень часто за этой задачей забывают более «рабкоровское», более основное. Есть много кружков по изучению литературы. А много ли добровольных кружков по изучению рабочих жилищ, или столовых нарпита, или новых обрядов, или роли пивных; много ли рабкоровских кружков, интересующихся рабочими-изобретателями, или героями труда, или историей той или иной фабрики? Жидковато на этот счет. А такая работа дала бы во сто раз больше рабкорам, именно как рабкорам, да и газете тем самым принесла бы крупнейшую пользу. На счет вот этих самых вопросов, которые составляют сердцевину работы рабкоров, у нас не собирается и не обобщается простой фактический материал. Здесь нужен почин самих рабкоров. Здесь то, в первую очередь, им и книги в руки. Здесь можно утоньшить свой слух, обострить свое зрение, научиться видеть маленькую деталь, научиться правильно обобщать и в то же время подмечать каждый типичный штришок. Сюда нужно бросить усилия товарищей, которые ставят своей любимой целью—освещать и двигать вперед рабочую жизнь.

На чем нужно обучаться рабкорам.

Уже с самого возникновения рабкоровских организаций этот вопрос стал одним из наиболее «больных» вопросов. В подавляющем большинстве случаев программы рабкорских кружков делают центром тяжести обучение журналистике, бойкому письму, истории журнального и газетного дела, его теории и т. д. и т. п. Другими словами, при обучении рабкоров держат курс на рабжуров. Вопрос о соотношении между рабкором и рабжуром уже достаточно, мне кажется, выяснен в нашем журнале, и на этой теме я останавливаться не буду. В общем и целом, совершенно ясно, что рабкороз нужно обучать, так сказать, газетной грамоте. Но где центр тяжести обучения рабкоров, как рабкоров? На чем должны учиться? Что нового может быть сделано в этой области? Какой материал и какие методы обучения наиболее соответствуют «духу» рабкоров, как таковых? Вот на эти вопросы мне хотелось бы дать хотя бы беглый ответ.

Святая истина,—что рабкор должен освещать рабочую жизнь. В рабочей же жизни центральным местом является, прежде всего, фабрика, завод, мастерская, рудник. Каждая фабрика имеет свою историю: и производственно-техническую и социальную. В жизни фабрики, как в маленьком мире, отражается жизнь всего рабочего класса, всей страны в целом. Почти каждая фабрика, завод, рудник были вовлечены в водоворот событий. Еще при царизме фабрика выделяла своих передовиков, которые шли в тюрьмы, убегали, поднимали рабочих, проводили стачки, дрались на баррикадах, умирали.

С революцией 17 года фабрика стала давать бойцов, шедших на открытый бой. Она выделяла красную гвардию, она впервые стала обростать фабзавкомами, она давала потом испытанных солдат Красной армии, в голодные годы она высылала своих сынов в продотряды; она выделяла потом крепких администраторов, она посылала десятки людей во все углы страны, чтобы управлять ею от края до края; она размещала их по селам и деревням, она бросала их

к Перекопу и под Варшаву, она посылала их на ответственных посты в хозяйственной и политической работе, она стала давать их для университетов и высших школ. И так далее, почти до бесконечности.

Скажите теперь, не должны ли рабкоры, которые описывают такие-то и такие-то фабрики, знать эту их героическую историю? Не должны ли они культивировать у рабочих данной фабрики чувство гордости за героев, которых эта фабрика дала? Не должны ли они воспитывать на истории этой фабрики великое чувство общности рабочих, связанных совместным трудом, совместной борьбой, совместными страданиями, совместной победой?

Но, опять-таки: ведь, для этого нужно знать историю своей фабрики или своих фабрик. А спросим-ка мы себя: сколько у нас существует вот таких рабкоровских кружков, которые бы поставили своей задачей изучить роль фабрики и ее рабочих хотя бы за время последней революции? Разве не понятно, что этот материал в тысячу раз более живой, более интересный, более актуальный, более злободневный, чем премудрые рассуждения относительно истории газетного дела или писания стихов? Вот такой материал, он особенно подходит для рабкоров. Одной группе молодых товарищей, с которой мне доводится иногда совместно работать, удалось посмотреть так, изнутри, на электрическую станцию 1886 г. (имени Смидовича): результаты получились преинтересные.

Отсюда вывод: хорошо было бы, если бы наши рабкоры образовывали бы кружки по изучению предприятий с той стороны, о которой я говорил. Кроме всего прочего, такой материал был бы в высокой степени полезен и для всех нас. Но он особенно полезен для рабкоров.

Мы часто говорим о быте рабочих. А спросим себя опять-таки: много ли есть рабкоровских кружков, которые серьезно, по плану, внимательно принялись за изучение этого быта (вместо изучения истории типографской техники со дня изобретения книгопечатания Иоганном Гутенбергом)? Между тем любой вопрос подлежит здесь именно изучению. И это есть как раз такой сорт «учебы», который, в первую очередь, относится к рабочим корреспондентам.

Возьмем, напр., вопрос о пивных. Мы читаем, что хорошо бы пивные закрыть на окраинах, что рабочие пропивают частенько свой заработок, что ж ны недовольны, что... и т. д. и т. д. А сколько рабкоровских кружков поставило своей задачей изучение этого вопроса? Для этого нужно обойти ряд рабочих семейств, потолковать, записать цифры, справиться насчет прибылей пивных, высчитать, какой процент в рабочем бюджете представляют траты на пиво и т. д. Чем шире изучаешь такой материал, тем легче потом

подмечаешь и частности, тем скорее учишься подглядывать и отмечать то, что раньше ускользало от внимания, и тем лучше понимаешь связь между отдельным случаем и целым рядом крупных общественных явлений.

Или возьмем другую область, рабочие клубы. Опять спросим себя, много ли рабкоровских кружков, которые поставили бы себе задачу изучить, скажем, клубы какого-нибудь подрайона, района, города? Придется и здесь ответить: таких кружков очень мало, быть может, и совсем их нет. А разве это не было бы чрезвычайно интересной, живой и в высшей степени полезной, особенно для рабкоров, работой? Разве тогда рабкоры не лучше бы подходили к любому частному случаю? Разве все мы не получили бы ценнейшего материала по нашей культурной работе?

Бюджеты рабочей семьи. Разве не интересно было бы обследовать ряд типичных фабрик с этой стороны? Сколько получают, на что тратят, какое отличие от предыдущих лет, сколько помогают другим рабочим и крестьянам (на МОПР, на другие благотв. цели и т. д.). Все это было бы действительным изучением рабочей жизни, т. е. опять-таки тем, в чем больше всего, по моему, нуждается рабочий корреспондент, который хочет быть хорошим рабочим корреспондентом.

Или, напр., чрезвычайно интересно было бы провести хотя бы на одной фабрике обследование, как, в общем, распределяется время рабочих по разным категориям и слоям: сколько уходит на работу, на отдых, на семью, на собрания, на кино или пивную, на партийную, профессиональную, кооперативную и т. д. работу.

Или, напр., было бы чрезвычайно поучительно исследовать, сколько рабочий покупает у госорганов, в кооперации, у частного крупного торговца, у частного розничного, у агентов Моссельпрома и проч.

Я нарочно брал примеры из различных областей. Всякий без труда поймет, что таких областей сотни, что таких вопросов без конца. Но мне кажется, что на их изучении и должен воспитывать и образовывать себя рабочий корреспондент. Любая сторона жизни рабочего—производство фабрики, историческая роль фабрики, участие рабочих в ее работе, проблемы заработной платы и бюджета, отношения с хозяйственниками, рабочие организации, клубы, вопросы быта, связь с крестьянством и деревней, религия и церковь, семья и брак, партия и школа—все стороны жизни рабочего, его семьи, его детей, подлежат изучению.

По всем этим вопросам рабкоры должны образовывать (лучше всего добровольные) кружки. Те, кому нравятся

одни вопросы, объединяются вместе, другие объединяются в другой кружок, вырабатывают—если есть руководитель, то под его руководством—общий план работы, делят ее между собой, собирают материал, точно записывая все, что узнали, составляют доклады, обсуждают, учатся делать сгодки и обобщения, учатся тому, чтобы подмечать и отмечать наиболее важное, или наиболее новое, или наиболее положительное и т. д.

Если бы центр тяжести в обучении рабкоров перенести именно сюда, тогда, конечно, вся рабкоровская «учеба» приобрела бы другой характер. Рабкеры не так скоро, пожалуй, становились бы рабжурами (плоховатыми, ибо поверхностными, только «натасканными»). Но зато рабкеры научились бы гораздо глубже понимать рабочую жизнь, получили бы гораздо более широкий взгляд на нее, научились бы лучше ее изображать. С другой стороны, они дали бы всем нам материал, который интереснее многого и многого из того, что сейчас в изобилии печатается.

Обычный путь обучения рабкоров мало чем отличается от того пути, по которому шли в дореволюционное время. То, о чем я говорю, сразу выперло бы на поверхность именно жизнь рабочей массы. А как раз эта жизнь и должна постепенно становиться основой нашей совокупной общественной жизни.

Конечно, это, пожалуй, потруднее. Ибо первая, обычная, линия обучения имеет уже проторенные дорожки и пути, имеет к своим услугам опытных журналистов, которые создают «рабжуров» по образу и подобию своему. Тот же путь, о котором я говорю, он еще очень мало изведен, и идти по нему гораздо труднее. Но зато он, по моему, гораздо скорее приведет нас к цели, к которой мы стремимся: к созданию не поверхностных, бойких журналистов, а глубоких, вдумчивых, знающих бытописателей рабочей жизни, наблюдательных, сроднившихся с рабочим классом всей сердцевиной своей души, незаметных строителей рабочей культуры, верных стражей пролетарского общественного мнения.

Вопросы I Всесоюзного Совещания Рабкоров при „Правде“ *).

а) Рабкор и журналист.

Правильная постановка вопроса.

Мне представляется, что здесь обсуждается особый вопрос, который нужно еще ясно сформулировать. Я хочу здесь просто, без обиняков, сказать, что вы говорите о социальном положении рабкоров, о том, что есть известная группа людей, вышедших из рабочего класса, которые стремятся кверху, но которым не дают идти кверху. И вот, как определить свое собственное социальное бытие на этой иерархической лестнице, куда рабкор поднимается?

Если говорить без декламации, то нужно ставить вопрос смело: есть группа выходцев из рабочего класса, частью стоящая еще в производстве, частью—вне производства, частью интеллигентские журналисты, которые трутся около рабочей массы, все они, в совокупности, представляют собою группу рабочих товарищей, которые идут кверху, желают получить больше прав, большую квалификацию, превратиться в журналистов. Это есть выражение совершенно определенного роста культуры. Вот так и нужно поставить вопрос. Но оттого, что вы не совсем осознаете такую постановку вопроса, как мне кажется, и получается некоторое извращение вопроса. Если говорить о газете, то нужно поставить вопрос так: что нужно газете, какой нужен рабкор, чтобы газета правильно функционировала, а вы ставите вопрос наоборот: какая нужна газета, чтобы мог работать рабкор. Правильная же постановка такова: газета нужна для рабочего класса, рабкор нужен для газеты. Каков же должен быть рабкор, чтобы газета

---

*) В настоящей статье даются стенограммы выступлений тов. Бухарина на I-ом совещании рабкоров при „Правде“ в 1923 г.

служила интересам рабочего класса, чтобы рабкор служил газете? Но так как вы ставите вопрос о социальном положении рабкора, то вы газету применяете к рабкорам, а не рабкоров к газете.

По первому вопросу я постараюсь без обиняков объяснить, в чем дело, как я его понимаю. Когда некоторые товарищи говорят, что не нужно, чтобы из рабкоров вышли специалисты, они исходят из того, что боятся потерять рабкоров. Но когда это положение преподносится рабкору, то он говорит: «Я хочу идти вверх, подняться, я хочу стать на ступень советского журналиста, а мне говорят: «осади, остановись, оставайся рабкором». Совершенно естественен этот протест: «доколе будете держать меня рабкором? Нет, я хочу, чтобы меня перевели с четвертой страницы на первую. Я хочу из рабкора сделаться советским журналистом».

От рабкора к советскому журналисту.

Как будет идти дело развития в этом направлении? По-моему, рабкоры будут превращаться в советских журналистов, и—совершенно естественно—будут отрываться от производства. Зачем строить иллюзии? Что вы думаете: рабкор, работая в газете, натерся, сделался журналистом, и он будет стоять у станка? Чорта с два, у него будут новые запросы, новые журналистские интересы, и он пойдет по другой дороге. Это ясно, как апельсин. Зачем это скрывать? Это есть выражение совершенно неизбежной потребности культурного роста. А так как вообще, при благоприятном ходе событий, будет возможность этот рост культурных потребностей удовлетворять, то совершенно естественно, что точно так же, как рабочие пачками будут проходить через высшие учебные заведения, чтобы становиться инженерами, агрономами и т. д., другая часть рабочих будет проходить через газету, и так же, как одна часть будет превращаться в красных инженеров и агрономов, другая станет красными журналистами и, таким образом, оторвется определенно от станка, получит новую квалификацию, и новые кадры будут определять новый тип журналиста.

Мне кажется, останавливать этот процесс не нужно, во-первых, потому, что этого сделать нельзя, а во-вторых, потому, что это нецелесообразно. Зачем задерживать культурный рост людей? Если они хотят учиться хорошо писать, то разве мы можем сказать: «нет, этого не нужно, этот номер не пройдет». Затем, если у них наметались глаза и они будут хорошо писать, то разве это плохо? Повторяю, это—процесс неизбежный, который мы должны

поощрять, как один из признаков, как один из плюсов и каналов общего культурного роста рабочего класса. На это пойдут, конечно, не все рабочие, а передовые, имеющие, конечно, особый талант, стремление, определенную изюминку в своей душе. Сначала они выделятся как рабкоры, потом более или менее наспециализируются, натаскаются, их обучат. Так или иначе, рабкор переходит на следующую ступеньку и делается советским журналистом. Но когда он станет советским журналистом,—тут я не согласен с некоторыми товарищами,—как только он сделается хорошим журналистом, он перестанет быть рабкором. А что будет с рабкорами? На место этого рабкора станут другие.

Что же тут плохого? Я говорю, что этот процесс неизбежен, и этот процесс не имеет в себе ничего плохого. Он выражает то положение, что рабочий класс делается культурным не сразу, а пачками. От него отходят наиболее способные. С этим неизбежно приходится считаться. Точно так же, как весь рабочий класс не может сразу поступить в высшие технические училища. Но поскольку рабкор будет превращаться в хорошего советского журналиста, он будет стоять на верхней ступеньке, с которой его никаким калачем не сманить на низшую ступеньку.

Если бы рабкоры, став советскими журналистами, получив известный тренаж, большую квалификацию, затем бесконечно сидели бы в качестве рабкоров, то это было бы плохо еще и потому, что они превратятся в определенную касту—средостение между рабочим классом и газетой, потому что они станут уже людьми другой психологии, будут отшлифованными, и в то же время не будут пропускать более свежий элемент, и между газетой и рабочей массой станут, как определенный чиновничий слой.

Рабкор и газета.

Теперь позвольте по-настоящему поставить вопрос. Если мы будем исходить из потребностей газеты, а не рабкоров, то тогда я должен сказать, что в каждое данное время газете нужны и советские журналисты,—и если они рабочие, то тем лучше,—это можно только приветствовать, потому что они будут больше идти по линии Советской власти. Но газете нужен не только советский журналист, но и функция рабкоров в каждой данной стадии развития. Почему? По очень простой причине. Потому что газете нужна, для того, чтобы она функционировала в качестве рабочей газеты, непосредственная связь с рабочей массой, а эту связь с рабочей массой может давать только тот, кто смотрит на фабрику не сверху, не извне, а изнутри,

т.е. только рабкор. Что отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что рабкор есть одно из главнейших орудий газеты. Он нужен газете, он не только пассивный регистратор, пассивный отмечатель того, что делает масса, но он активный проводник обратного влияния газеты на рабочую массу. Он есть неразрывная часть рабочей массы, и поэтому рабкоры есть и будут очень долгое время, пока у нас будет классовое государство, и им предстоит великое будущее.

Рабкоровская функция, как таковая, состоит не в том, чтобы красиво и гладко написать, чтобы знать, где расставлять запятые и разбираться в знаках препинания. Она состоит в том, чтобы хорошо нюхать настроение массы, быть щупальцами в этой массе. А для этого нужно быть в среде этой массы. И поэтому следует задать вопрос: что должно быть самым центральным в рабкоре? Ясное дело,—связь с массой. Пусть рабкор улавливает малейшее настроение в массе. Долой красивые пятна, шлифовку, пусть качество отходит на задний план. Мы можем спокойно поместить уродливую, безграмотным языком написанную, корреспонденцию с фабрики, которая отражает настроение массы, и не брать прилизанной, приукрашенной, по всем правилам грамматики написанной корреспонденции, которая не дает отражения настроения. Конечно, это всякий понимает, но из этого нельзя еще делать вывода, что мы должны предпочитать, чтобы люди не знали, как ставить запятые.

Что же из этого выходит?—Что люди, которые узнают это, будут иметь тенденцию перейти в советских журналистов. И—пожалуйста, дорога открыта, большая, столбовая дорога. Если оторвешься от этого дела, другие придут на смену. Вот, товарищи, как, мне кажется, нужно поставить эти вопросы.

Рабкор не должен быть чиновником.

Теперь, товарищи, позволю развить вторую тему,—относительно главных свойств рабкора, как живого человека, методов его работы и т. д. Основным, чем должны отличаться организация и методы работы рабкоров и сам, каждый рабкор в отдельности,—это отсутствие намека на казенщину и казенную регламентацию. Рабкор не есть чиновник, хотя бы и советский. Он не есть официальное лицо. Некоторые товарищи, в связи с вопросом о положении рабкора, хотят наградить его чинами и т. д. Я возражал бы против всякого такого регламента. Рабкоровские организации должны быть в высшей степени добровольными. Они должны быть менее казенными, чем любая из наших организаций, даже партийная, даже профессиональная.

Почему? Потому что вы знаете уже из опыта: были выборы рабкоровских коллегий, литколлегий, и они все обычно проваливались по той простой причине, что по самой сущности дела нельзя выбрать рабкора или назначить рабкора. Рабкор не выбирается и не назначается, а если он назначается, то будет плохой рабкор. Они сами назначаются, сами выделяются, поскольку идут доброзольно, кого душа в это дело тянет. И в этом, должен сказать, основа дела рабкоров, основа рабкоровского объединения.

Если вы говорите, что рабкоров преследуют, то сумейте сами создать организацию, которая будет властна, будет возражать и бороться. Сумейте сами завоевать положение. Натурально, и партия должна быть на стороне рабкоров, и профсоюзы, и все прочее, но не должно быть такого порядка, что вот приходит рабкор, и у него есть карточка,—я неприкосновенная личность. Я позволю себе привести резкий пример: наши рабкоровские организации еще молодое явление,—это ребенок, которого нужно бросить в воду. Пусть поплывет,—а не опекать его.

Почему у нас масса недостатков, которые все концентрируются в том, что мы называем бюрократизмом? Потому что и здесь до некоторой степени аппарат окостеневший, и между этим аппаратом и рабочей массой есть пустота, которую нужно заполнить самостоятельными ячейками, агенты которой имели бы возможность критиковать и «сами плавать». И в первую очередь,—это рабкоровы, и в этом их громаднейший смысл в наше время. Поэтому я предостерегаю данное совещание против какого бы то ни было нового увлечения регламентацией, против всяческих попыток навязать рабкорам и рабкоровским организациям каких бы то ни было самых мелких казенных функций. Если вы на этот путь станете, то вы в значительной степени погубите дело.

О рабкоровской чести.

Всякая живая организация, рабкоровская организация, должна кроме того помнить, что на ней лежит громадная ответственность, и она должна быть сама построена на принципе самокритики. В таком живом организме принцип самокритики должен иметь очень большое значение, и тут правильно было бы сказать, что если мы предъявляем большие запросы и требуем исправления целого ряда недостатков у других, что является главной линией рабкоровской деятельности, то, с другой стороны, мы должны охранять качество рождающихся объединений, корпораций, содружеств наших рабкоров, иметь, выражаясь старым языком, корпоративную честь. Мы не должны иметь таких

рабкоров, которые лгут на столбцах нашей газеты, надо, чтобы они понимали свою ответственность перед широкими массами. В резолюции, которую вы будете принимать по этому вопросу, нужно непременно выдвинуть эту функцию рабкоров: с одной стороны—их борьба со всеми нашими недостатками, и с другой стороны—возложение на рабкоров большой ответственности. Но все это должно быть в рамках не бюрократической организации, а живой самостоятельности отдельного рабкора и его возможных содружеств.

Моя речь сводится к тому, что, во-первых, нужно считаться с перспективами развития из рабкоров советских журналистов.

Нужно в то же время помнить, что рабкоры, поскольку они превращаются в советских журналистов, перестают быть рабкорами, но на смену им идут другие люди, которые не были рабкорами, но стали ими, для которых рабкоры—первая ступень в их культурном подъеме.

Если бы этого не было, то получилось бы средостение между рабочими и газетой, потому что уже и сейчас бывают такие рабкоры, которые не понимают своей роли и функции и тормозят получение корреспонденций от других рабочих.

Таким образом, будут выходить низы, и они будут замещать уходящих рабкоров. Главным принципом их работы должна быть поставлена самостоятельность.

И, наконец, рабкоры должны быть властным орудием в руках рабочего класса, чтобы исправлять целый ряд недостатков, но в то же время они должны помнить о своей собственной ответственности и дорожить своей рабкоровской честью перед всем рабочим классом. (Продолжительные аплодисменты).

б) О формах рабкоровских организаций.

Методы рабкоровской работы.

Поскольку речь идет об организационных формах, необходимо вначале дать себе ясный и точный отчет в том, что организационные формы должны определиться методом рабкоровской работы и целями, которые эта работа себе ставит. Если мы все согласились в том, что методы должны идти по линии наибольшей самостоятельности, что эти методы должны отличаться наименьшим бюрократизмом, должны быть освобождены от всякой казенщины, одним словом, быть такими, которые обеспечивали бы максимум самостоятельности рабочих, то этими самыми соображе-

ниями о методах работы определяются, диктуются организационные формы.

Поскольку речь идет о выборности или невыборности, тут, конечно, могут быть различные промежуточные типы. Конечно, у выборности, как говорил товарищ от казенной организации, есть крупные преимущества: администрация больше считается, рабкор имеет мандат, определенное подтверждение того, что он проведен на общем собрании. Это известный плюс. Но я скажу: разве товарищ, который завоевал себе доверие на заводе, нуждается в таком мандате? Нет! Рабкор должен завоевывать определенное доверие среди рабочего класса, и если он завоевал это доверие, ему не нужны никакие мандаты. Это есть отбор, произведенный самим пролетарским общественным мнением, и мне кажется, что такой тип мандата в тысячу раз лучше всяких других. Общественное мнение может лишить его этого мандата, если он запил, проворовался, и опять-таки не путем определенного поднятия рук, а путем определенной молвы, которая лучше всего может его запятнать, лучше всего может его вознести. Вот такой тип отбора рабкора есть наилучший.

Само собой разумеется, в этой невыборности, которую я защищаю, есть свои опасные черты. Эту опасность я позволю себе определенным образом формулировать, потому, что товарищи, быть может, думают об этом, но боятся или не решаются сказать. Ну хорошо. Если не будем выбирать на фабриках и заводах, то не будет ли того, что редакция сама будет назначать? Мне кажется, тут должна помогать общественная самодеятельность самих рабкоров. Если будут, скажем, клубы, если в этих клубах будет происходить обсуждение различных вопросов, к которому будут привлекаться в той или иной степени рабочие-передовики и проч., то у вас есть достаточно мер контроля, опять-таки не официального, не казенного, не бюрократического, который может поставить любую редакцию на свое место. Это можно сделать, и по этой линии нужно идти.

Консультационный характер рабкоровских организаций.

Я ставлю еще один принципиальный вопрос—относительно характера рабкоровской организации. В связи с этими методами и естественным отбором, что должна представлять из себя какая угодно рабкоровская организация? Должны ли они иметь такие формы, которые существуют в партии, профсоюзах, фабзавкомах—в уже имеющихся организациях, или должны представлять нечто совершенно другое. По-моему—нечто совершенно другое.

Любая партийная, профессиональная или еще какая-нибудь организация имеет принудительную дисциплину. Если центральный орган партии говорит, что вся партийная организация должна делать то-то и то-то, то все должны это делать. Должна ли организация рабкоров быть построенной по этому типу? По-моему, нет. Организация рабкоров должна иметь консультационный характер, а не директивный. Это, мне кажется, соответствует всему духу рабкоровской работы. Она должна представлять добровольное объединение людей, занятых одним и тем же делом, которое не носит принудительного характера для всех входящих членов, а представляет консультационную комиссию. Скажем, наше совещание высказывается против выборности в общем и целом—я предвижу такой случай. Но мы не можем сказать: «запретить везде выборность!» Совещание может сказать, что оно признает желательной отмену выборности. На местах могут этому подчиняться, а могут и не подчиняться. Если мы построим организацию иначе, то будет одна лишняя организация полупартийного, полупрофессионального характера. Консультационный тип организации обеспечивает возможно более широкий обмен мнений и обсуждение связанных с рабкоровской работой вопросов.

Журнал рабкоров—объединяющий центр.

Из этого вытекает, мне кажется, с очень большой последовательностью и тип объединения вокруг рабкоровского журнала. Если же вы создадите центральный комитет вне зависимости от журнала или обще-российское бюро, то что тогда получится? Они неизбежно превратятся в директивный орган. Если вы построите объединение около журнала, вы ему придадите глубоко консультационный характер, характер идейного воздействия на всех решительно. Журнал лучше всего приспособлен к тому, чтобы проверять местный опыт, дискуссировать. Никто не обязан подчиняться мнениям, которые журнал защищает, места приглашаются вносить коррективы в зависимости от работы, которая на местах идет. Так как будет собран большой опыт, который будет браться под лупу, тщательно анализироваться, то эти добровольные советы будут иметь большее значение, чем какая бы то ни было принудительность. В этом и должно быть отличие рабкоровской организации от всяких других организаций.

Рабкоры должны сказать новое слово и тщательно изыскать такую организационную форму, которая обеспечила бы рабкорам выявление своего собственного рабкоровского лица.

Отсюда ясно, что я должен высказаться против созыва всероссийского съезда немедленно. У нас масса неясностей

на местах. Это доказывает наше совещание. То, что я сейчас говорил относительно особой формы рабкоровской организации, тоже нужно, ведь, проверить. Как это проверить? Нужно известить все, что делается на местах. Я думаю, лучше всего это сделать через журнал. Нужно, чтобы журнал был центром нашей добровольной организации. Может-быть, журнал даст возможность нащупать типы разных организаций в зависимости от разных условий. Ведь, возможно, что имеются какие-нибудь очень передовые заводы, где можно провести выборность, при чем она будет носить другой характер—не в виде официальной казенной выборности, а свободного волеизъявления рабочих масс. Общая линия правильна—мы отказываемся от выборности, но зарекаться не можем. Все эти вопросы можно проверить через журнал.

в) О языке газет.

(По докладу тов. Сосновского).

О постановке вопроса.

По-моему, очень хорошо поставил вопрос тов. Борисов, когда он поднял вопрос и о разговорном языке, потому что одно связано с другим. В особенности это нужно сказать о наших агитаторах, которые уходят в деревню и начинают там говорить о Лиге Наций, Антанте и т. д.—целый ряд вещей ни к селу, ни к городу. Нужно начать с разговорного языка, распространить это требование на наших агитаторов, в особенности тех, которые идут в самую гущу масс и рабочих, и, что особенно важно, крестьянских, а отчасти и красноармейских. Ведь многие разногласия получаются от того, что одни ставят ударение на одном, другие на другом. Если мы спросим относительно языка современного крестьянина, то, конечно, правы товарищи, которые считают, что крестьянство говорит на другом языке, чем до революции. Но если, из этого исходя, мы будем менее внимательно следить за ошибками своего языка, то мы уже сделали тактическую ошибку.

Второй вопрос—что нужно применить к чему—газету: ли к рабочей массе, или рабочую массу поднять до газеты. Так вопрос тоже ставить нельзя. Нужно делать и то и другое. Но нужно иметь в виду, что для того, чтобы поднимать рабочего до газеты, нужно иметь некоторые зацепки в массе, потому что, если вы не будете иметь этих зацепок, то вы не будете в состоянии поднимать массу. Для того, чтобы ее поднимать, нужно приспособливать свой язык к аудитории, к которой вы обращаетесь со своим устным или печатным словом. Таким образом, вопрос нужно

решать: применяясь к рабочей массе, мы тем самым и можем ее поднимать; не применяясь к массе, мы никогда не в состоянии ее поднять. Это совершенно ясная политика с нашей стороны. Мне кажется, мы могли бы сделать ряд неправильных выводов, если бы иначе поставили вопрос.

Разные слои—разный язык.

Нам приходится жить в условиях, когда мы имеем не просто массу, а разнородную массу, имеем различные слои: крестьяне, среди крестьян различные слои; рабочие, среди рабочих различные слои; мы имеем кадр рабочих партийных и беспартийных. Среди партийных целый ряд слоев. Мы имеем рабочих, которые нуждаются в известных точных директивах, которые культурно страшно выросли. Таким образом, мы имеем разнородную аудиторию. Это и вызывает необходимость различных типов газет.

Поэтому, ставя вопрос о языке, нужно это различие в типах газет, обслуживающих различные слои, иметь в виду: мы не можем подходить к «Правде», к органу ЦК, с теми требованиями, которые мы предъявляем к «Бедноте», и не можем требовать от крестьянского органа того языка, который мы имеем для руководящего органа, для кадрового состава. Точно так же как любой хороший агитатор, любой хороший пропагандист не может быть хорошим агитатором, если не считается каждый раз с аудиторией, перед которой говорит, и газета не может быть хорошей, если не считается с особенностями той аудитории, той массы, читательской среды, к которой она обращается. Каждый из своего опыта знает, что, если бы мы с интеллигентским языком подошли к крестьянину и стали говорить так, как должны говорить интеллигентам, он с полным правом мог бы наложить на нас затылок. Обратно: нам приходится выступать и среди интеллигентских слоев, потому что мы—правящая партия. И если бы мы стали говорить перед интеллигентами на крестьянском языке, это было бы в равной мере глупо. Эта трудность сохраняется и для государственных дел. Через эту трудность никакими решительными способами нельзя перескочить до тех пор, пока все слои населения не сольются в чем-нибудь едином. Это та трудность, которая будет существовать долгое время, и с ней нужно считаться. Эта трудность и вызывает в первую очередь различие в типах газет.

Перехожу теперь к нашей газете «Правда», чтобы сказать несколько слов по поводу этого разного языка в руководящего типа газетах. Подчеркиваю, в руководящего типа газетах, так как они имеют исключительное положение. Этого разного языка нам не избежать,—это мое

глубочайшее убеждение. Мы можем сглаживать разницу, мы должны признать, что есть очень много ошибок и укоренившихся вредных привычек,—это я также вполне признаю. Но я совершенно не разделяю и не буду разделять некоторый рабочий или рабкоровский оптимизм, по которому можно это различие преодолеть. В самом деле, обратим внимание на тираж «Правды». Кого мы обслуживаем в первую очередь своим тиражем и кого мы должны обслуживать? Должны мы обслуживать руководящий кадр партийной публики, губкомщиков, исполкомщиков и т. д.? В первую очередь должны, потому что это руки партии, они проводят партийную политику, им нужно давать директивы. Теперь, какая разница между языком совершенно простым и языком интеллигентским и т. д.? Помимо вопроса о непонятности, порче, есть еще одно обстоятельство, которое нельзя упускать, если подойти деловито к вопросу. Одна существенная особенность—это та, что интеллигентский язык может быть короче. Тов. Сосновский, приводит пример, что в воронежской газете он читает: «Чичерин послал ноту». Один крестьянин спрашивает другого: «Что такое нота?» А другой отвечает: «Это знаешь, в церкви поют. Так вот у них есть ноты». Само собой разумеется, что когда обращаешься к крестьянам, нужно сказать в скобках, что нота—это письмо, послание и т. д. Тот, кто говорит крестьянину «нота», зная, что крестьянин этого слова не понимает, тот—дурак набитый.

Но если бы мы в передовице писали в скобках «нота», «письмо», «послание» и т. д., то было бы смешно, по той простой причине, что определенный кадр партии не нуждается в том, чтобы мы каждую статью делали вдвое длиннее из-за того, что какой-то крестьянин в Воронежской губернии не знает, что такое нота. Верно это или не верно? По моему, верно.

Я могу сказать о себе, что я могу писать популярно, чтобы понял каждый крестьянин, я могу говорить популярно, чтобы каждый понял. И когда я говорю на крестьянском языке, я всегда говорю так, что любой понимает. Но когда я должен писать передовицу, я ее не могу, или, вернее, не хочу, писать таким языком, потому что, по крайней мере, должен писать вдвое, втрое длиннее. Таким образом, верно, что в этой области нужно многое улучшить, но совершенно преодолеть разницу нельзя. Разница между четвертой страницей, между рабочей жизнью, и первой—должна быть.

Другой пример. Руководящие партийные органы должны заниматься целым рядом деловых вопросов. Руководящий орган должен давать директивы, правила. Внешторг обсуждает вопросы импортной и экспортной политики;

ввоза и вывоза, приводит цифры. Но он не может каждую статистическую статью, каждую цифру раз'яснять подробным образом и должен сокращаться. Такие статьи многим кажутся сухими, непонятными. Но, с другой стороны, есть публика, которая этого требует и которую не обслужить мы не в состоянии.

Двойственная задача нашей партии.

В связи с этим скажу несколько слов относительно того, что такая вещь совершенно неизбежна, когда партия рабочего класса находится у власти. Я об этом несколько раз на с'езде журналистов говорил и в своих выступлениях в связи с газетным делом. У нас двойственное положение,—у всей партии, у рабочего класса: с одной стороны, ты должен управлять государством, а с другой стороны—по возможности держать связь с последним рабочим и крестьянином, с самым отсталым. Из этой двойственной задачи вытекают все наши трудности.

Когда мы были партией, которая не стояла у власти, нам просто было рассуждать: громи, бей, души, ниспровергай кровопийца и т. д. Вот к чему тогда сводилось—очень элементарная и простая задача. Но когда нужно обсуждать, как Чичерин должен ответить лорду Керзону, какую вести политику: импортную, ввоза и вывоза, и как действовать, чтобы было правильное соотношение между банкнотом-червонцем и совзнаком, как нужно строить высшие учебные заведения и даже—как преподавать математику, биологию и прочее,—то мы не можем каждый раз писать: «биология», в скобках «наука о живом». Не для такой аудитории это пишется. С другой стороны, перед нами стоит задача—держатъ связь с самыми отсталыми рабочими и крестьянами,—очень важная задача, потому что если мы ее упустим, то все упустим.

Я говорю это потому, что тут очень замечательное «разделение труда» получилось. Рабочие корреспонденты требуют, чтобы мы во всех газетах, в том числе и в «Правде», расширили отдел рабочей жизни и обращали на него большое внимание. А знаете ли вы,—на с'езде советских журналистов с чем должен был бороться я, ваш покорный слуга? Я должен был бороться с течением, которое говорило—в «Правде» вы отдел рабочей жизни должны закрыть. «Правда» должна обслуживать кадровый состав. Выравнивайте все по первой странице, а рабочей жизнью пусть занимается «Рабочая Газета», пусть занимается «Беднота». «Правда» же пусть равняется по первой странице, от первой до последней. Я жестоко боролся с этим течением и с помощью ряда товарищей провалили его. Почему?

Потому что это с другой стороны неправильно. Если из первой страницы мы не можем сделать четвертой, то в то же время и из четвертой мы не можем сделать первой страницы, потому что мы тогда не выполним другой задачи—связи с низовыми массами. Эти две задачи не одинаковы, требуют разных методов подхода, требуют разного говорения, разного писания. Так же, как неправильно требовать, чтобы первая страница превратилась в последнюю, точно так же неправильно требовать превращения последней страницы в первую. Тут есть, конечно, противоречие, но оно вытекает из двойственного положения всей нашей партии, нашей страны, всего рабочего класса, который должен производить и своих спецов—агрономов, инженеров, администраторов и т. д., а с другой стороны—держатъ связь с последним рабочим, с самым отсталым крестьянином и т. д. Поэтому, я говорю,—нельзя превращать центральный орган нашей партии в епархиальные ведомости кадрового состава, потому что кадровый состав мы будем обслуживать, а связь потеряем. Для каждого аппарата мы должны заботиться, чтобы он работал четко, а с другой стороны,—чтобы он держал связь с рабочими. На это требуется больше времени, но это разные задачи. Когда какой-нибудь красный кооператор, красный профсоюзист, красный хозяйственник между собою говорят о калькуляции и решают этот вопрос на одном языке, то другим языком они обязаны говорить перед рабочей массой, которой дают отчет. Такая же двойственная задача стоит и перед газетами, и мы ее не разрешим таким наскоком, что либо рабочую жизнь уничтожим, либо, наоборот, все превратим в рабочую жизнь. Так мы не разрешим этого противоречия; оно останется очень долго. И разноречием в смысле языка в той или иной мере останется. Не нужно тут строить иллюзий.

Правильное решение вопросов.

Теперь, что такое хороший журналист, хороший агитатор и пр.? Это, по-моему, тот, кто пишет или рассказывает так, чтобы его понимала аудитория, к которой он обращается. Вот почему, если мы считаем, что все газеты, в том числе и самые центральные, должны держать связь с самыми низовыми слоями, то мы должны говорить таким языком, который будет понятен им. Отсюда неправильность требования такого, которое считает, что весь грех может быть изжит тем, что в редакционной коллегии мы будем держать одних рабочих. Это бессмысленно. Если мы должны делать рабочих сотрудниками, то пожалуйста,—всякий, кто напишет хорошую статью для первой страницы, есть сотрудник.

Но обязательно требовать, чтобы редакционная коллегия состояла только из рабочих, бессмысленно, потому что приходится считаться с самым широким кругозором, и если есть среди рабочих такой, который обладает таким кругозором, его нужно выбрать, пожалуйста!

г) К итогам совещания.

Совещание рабкоров (16—20 ноября 1923 г.) дало очень ценный материал. Нужно оговориться: нельзя сказать, что уже теперь мы могли бы сделать совершенно определенные выводы, которые обладали бы безусловным характером. Но все же кое-что нащупано, и в этом смысле можно сказать, что совещанием достигнуты довольно значительные положительные результаты.

Методы работы—первый вопрос. Здесь совещание после долгих прений пришло к заключению, что основой должна служить величайшая самостоятельность в работе рабкоров, отсутствие какой бы то ни было казенщины. Только в интимной связи с массами, в постоянном соприкосновении с ними, в величайшей чуткости к нуждам масс, так—и только так—может идти и развиваться рабкоровская работа.

Подбор рабкоров должен быть в соответствии с методами работы. В общем и целом совещание пришло к выводу, что ни назначение, ни выборы рабкоров, по праву, не соответствуют духу рабкоровской работы. Рабкоровы должны выделяться, по возможности, сами, как признанные (не выборами, не поднятием рук, а общественным мнением рабочих) выразители настроений, чувств, желаний рабочей массы. При таком подборе рабкоров будет избегнута в наибольшей степени всякая бюрократизация рабкоров.

Организационная форма рабкоровских объединений точно так же вытекает из особой специфической задачи, стоящей перед рабочими корреспондентами. Она должна, по крайней мере, на первых порах быть организацией, учитывающей опыт, тщательно этот опыт проверяющей и дающей советы, а не общеобязательные директивы. В этом должно быть отличие рабкоровской организации от всякой другой. Конечно, речь идет, здесь не о таких вещах, как, например, исключение провинившихся из рабкоровской семьи и т. д. Речь идет все о тех же методах работы. Рабкоровское бюро может рекомендовать, на основе учета опыта, писать так, а не этак, но оно не может принудительно обязать всех рабкоров подчиняться этой директиве. Свой авторитет рабкоровская организация будет завоевывать дельностью своих советов, той

фактической помощью, которая будет даваться рабкорам, работающим на местах.

Совещание нащупало также решение вопроса об отношении рабкора к советскому журналисту. Оно наметило перспективу превращения «рабкора» в «рабжура». Но в то же время оно достаточно ясно показало, что для газеты нужен не только «рабжур», но и «рабкор». А хорошим рабкором может быть, по правилу, только такой товарищ, который действительно стоит у станка и который бывает на заводе не наскоком, а постоянно, который не «приходит» на завод, а работает в нем. Поскольку рабкор превращается в профессионального журналиста, постольку он перестает уже быть рабкором. Но из рабочих будут прибывать и новые кадры рабкоров.

Совещание высказалось против немедленного с'езда рабкоров, потому, что сочло необходимым еще и еще раз проверить на опыте те заключения, к которым оно пришло. Оно решило создать центром своим журнал, объединяющий рабкоров и организующий их в единую семью.

Эти осторожные решения, подлежащие еще повторной проверке, сами по себе показывают, насколько серьезно относятся товарищи к поставленной им задаче. «Лучше меньше, да лучше» — таков был лозунг, под которым прошло все совещание. Оно представляет крупный шаг вперед. Рабочий класс растет. Его культурный уровень поднимается. Его общественное самосознание развивается. Тому лучшей иллюстрацией является созданное «Правдой» совещание рабкоров.

Об убийстве селькора Малиновского.

Дело об убийстве тов. Малиновского имеет, несомненно, колоссальное значение для всей нашей советской общественности и для нашей партии в том числе. Если подходить к нему с точки зрения общественной—а только так мы и должны в первую очередь подходить—то это дело сыграет не меньшую, а, быть-может, даже и большую роль, чем дело об убийстве нашего товарища Спиридонова.

Излишне тратить много слов на выражение нашего возмущения грязным преступлением вороватой шайки, опутавшей село своей липкой паутиной, где уголовщина, самогон, держиморда, вор и кулак замешаны в густое вонючее тесто, политое кровью честного бойца рабоче-крестьянской печати. Мы не раз и не два в подходящем месте дадим выход этому негодованию и поднимем его до массового негодования, которое обрушится на головы притаившегося жулья. Здесь мы хотим, прежде всего, остановиться на общественном значении этого дела.

Что было в убийстве Спиридонова? Что раскрыло это убийство? Кучку негодяев, тупиц, пьяниц, засевших на одной фабрике. Вся история была вскрыта здесь, на месте, фабрика прочищена с помощью местных же работников. Контроль был близок, дело по существу ликвидировать было не так трудно. Нельзя было возратить уж драгоценной жизни рабочего, преданного партии, классу, социализму. Но сравнительно легко было прочистить атмосферу на фабрике, вышвырнуть кого следует, поднять интерес к делу среди передовых рабочих столичного города и т. д. и т. п.

Гораздо более «серьезную» картину раскрывает преступление в селе Дымовке.

Уже первые корреспонденции об убийстве заставляли предполагать, что тут заговор против честного работника, заговор со стороны людей, примазавшихся к власти, подмывавших под себя все село, прочно засевших под советской вывеской и опирающихся на целый слой «деляг» и воро-

тил. А последующие корреспонденции, которые разматывали все больше и больше разноцветный, кроваво-грязный клубок подвигов этих господ, олицетворявших государственную власть советов на местах (вы подумайте только!) и переведших на нелегальное положение честного сторонника советской власти, а затем покончивших с ним,—эти корреспонденции чрезвычайно выпукло показали, что власть убийц выходит даже за околицу села, что подобные нравы процветают и у соседей.

«Маленькое» дело стало разворачиваться. Почему? Потому что в нем вскрылась одна из крупнейших язв современности.

Все мы кричим сейчас о смычке между городом и деревней; буквально нет ни одного человека, стоящего «на советской площадке», который не клялся бы «заветам Ильича». А между тем, смычка на деле от нас еще очень далека. И вопрос вовсе не только в объективных условиях. Конечно, многое из них вытекает, мы не в состоянии выпрыгнуть из тяжелого хомута нашей нищеты, и мы с трудом пробиваем упрямую толщу нашей стихийной, тупой некультурности. Но нам нужно помнить, что в числе жалоб со стороны крестьян громадное место занимают жалобы на низших агентов власти, на лихоимство, взяточничество, держимордство, бессмысленные фокусы, достойные маленьких героев Щедрина. Это—одна из важнейших проблем, и она с ослепительной яркостью вспыхивает при свете дела об убийстве селькора Малиновского.

На низах сельской власти, наряду с самоотверженнейшими работниками, настоящими незаметными героями советской культуры, которые своими усилиями перепахивают деревенскую темноту и закладывают фундамент будущего расцвета, залезли, вгнездились, как гниды в нечистое белье, самогонщики, агенты кулаков, люди с подозрительным прошлым, вся надежда которых—на то, что «до Москвы далёко». Если принять во внимание нашу бедность культурными силами, действительную трудность контроля «из центра» и т. д., то очевидной становится роль селькора, местного наблюдателя, у которого под рукой мощное оружие воздействия—советская пролетарская печать. Немудрено, что кое-кому в высшей степени интересно вилами выколоть этот бдительный, контролирующий глаз. Так пал на своем посту тов. Малиновский.

Само собою разумеется, что мы должны поднять против негодяев волну общественной ненависти, провести показательный процесс, раз'яснить массам крестьян и рабочих все значение процесса, роли рабкоров и селькоров, усилий советской власти и компартии в деле очистки деревни от паразитов и жуликов.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Предисловие редакции журнала „Рабочий Корреспондент“ . . .	3
2. Заветы Ленина и рабкоры	5
3. Диктатура пролетариата и рабкоровские организации	12
4. Два слова о некоторых особенностях рабкоровской работы . . .	20
5. На чем нужно обучаться рабкорам	27
6. Вопросы Совещания рабкоров	31
а) рабкор и журналист	31
б) о формах рабкоровских организаций	36
в) о языке газет	39
г) к итогам Совещания рабкоров 1923 г.	44
7. Об убийстве селькора Малиновского	46

